

індивідами та групами як неодмінна вимога ідентичності. Дякуючи такому розумінню будови соціокультурного буття, вдається поєднати в одній теоретичній та практичній моделі перспективи справедливості і солідарності.

Важливою складовою методології дослідження є метод філософської компаративістики, який потребує, при обговоренні будь-якої проблеми, задіяти максимально можливу кількість філософських традицій. Проблема справедливості у цьому сенсі не є винятком. Взаємодоповнюючи одне одного, філософські перспективи забезпечують, у кінцевому рахунку, повне та цільнісне уявлення про зміст та роль принципу справедливості.

Автору статті вдалося по-новому сформулювати та вирішити важливу теоретичну й методологічну проблему соціальної єдності в ситуації радикального соціокультурного плюралізму. Ця проблема ставиться як проблема поєднання перспектив солідарності та справедливості, а пошук рішення здійснюється через реконструкцію і порівняльний аналіз соціально-філософських моделей постмодернізму, «етики дискурсу» та мультикультуралізму.

Як висновок, у ході дослідження автору вдалося показати теоретичну нездатність стверджувати щодо повних розбіжностей буття в ситуації постмодерну і неможливості солідарності, яка простягається за межі обмеженої локальної спільності. Навіть філософи, які вважаються класиками постмодерністського дискурсу, зокрема, Ліотар, Дерріда та Рорті, визнають в останніх своїх роботах необхідність та можливість ставити й вирішувати проблему глобальної єдності, через те, що людство пов'язано з проблемами, що породжені неконтрольованою техніко-економічною і соціально-політичною активністю людей.

Бібліографічні посилання

1. Гідденс Е. Наслідки модерніти / Е. Гідденс // Нова індустріальна хвиля на Заході. Антологія. – М.: Academia, 1999.
2. Гэлбрейт Дж. К. Справедливое общество / Дж. К. Гэлбрейт // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Алетея, 1970.
3. Марков Б. В. Философская антропология. Очерки истории и теории / Б. В. Марков. – СПб.: Лань, 1997.
4. Смирнов А. Справедливость (Опыт контрастного понимания) / А. Смирнов // Средневековая арабская философия: Проблемы и решения. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 113–122.
5. Hufte O. Politische Gerechtigkeit / O. Hufte. – Fr.-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

Надійшла до редколегії 21.02.2012 р.

УДК 130.123.1

А. А. Ковнеров

Славянский государственный педагогический университет

ДИАЛЕКТИКА ПРАВДЫ-ИСТИНЫ В КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Здійснено пошук критеріїв справедливості у вітчизняній філософії кінця XIX – початку XX століття, робиться спроба розкрити їх зв'язок з західною традицією.

Ключові слова: справедливість, правда, істина, абстракція, оцінка, судження, вчинок, благо, знання, віра, науковий позитивізм, нерівність, свобода, любов, творчий інстинкт.

Осуществляется поиск критериев справедливости в отечественной философии конца XIX – начала XX вв., предпринимается попытка раскрыть их связь с западной традицией.

Ключевые слова: справедливость, правда, истина, абстракция, оценка, суждение, поступок, добро, знание, вера, научный позитивизм, неравенство, свобода, любовь, творческий инстинкт.

Search of criteria of justice in domestic philosophy ends XIX is carried out the beginnings of the XX-th centuries, attempt to open their communication with the western tradition is undertaken.

Keywords: justice, truth, true, abstraction, estimation, judgement, act, good, knowledge, belief, scientific positivism, inequality, freedom, love, creative instinct.

Отечественная философская мысль представлена не только достаточно обширной, полной различных течений и направлений, но и отличающейся глубиной, гармоничностью и уникальностью в решении многих проблем. Так, Б. П. Вышеславцев отмечал, что характерной чертой отечественной философии является ее связь с эллинизмом, с сократическим методом, античной диалектикой платонизма. Эту традицию она получила вместе с византийским христианством. Другой основной чертой, ярко выступающей в отечественной философии, является ее интерес к проблеме Абсолютного и проблеме человека [5, с. 154–158].

Отечественная философия, следующая общей линии развития европейской философии, обладает своеобразием, отличающим ее от западных образцов. Это свой стиль рефлексии, угол зрения на место и роль философии в жизни, этическая наполненность, которые особенно ярко проявляются в трактовке справедливости. Тема двух правд, идущая от мысли Н. Михайловского о соединении правды-истины и правды-справедливости, проходит через творчество многих отечественных философов, в частности, К. Аксакова, Н. Бердяева, С. Франка, которые считали, что наш народ пошел путем «внутренней правды», нравственной, по пути мира, согласному с учением Христа. Вера в народ как хранителя правды лежала в основании народничества. Как отмечал Н. О. Лосский, основное свойство нашего народа есть его религиозность и связанный с ним поиск абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни. Искание социальной справедливости в земной жизни есть результат стремления к совершенному добру при утрате религии и сознании неправды грешной земной жизни [2, с. 250, 359]. Мечта об осуществлении социальной правды, создании совершенного общества проходит и в идее Владимира Соловьева о свободной теократии.

С. Л. Франк, рассматривая сущность и ведущие мотивы отечественной философии, отметил, что у людей кроме слова «истина» имеется еще другое понятие, ставшее главной и единственной темой их раздумий и духовных поисков. Это «правда», которая, с одной стороны, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а с другой – нравственную правоту, нравственные основания жизни, ту самую духовную сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается. Отечественный мыслитель, по словам Франка, всегда ищет «правду», он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись. Истина в своем первичном смысле выступает конкретной онтологической сущностью, сущностным основанием жизни. Такое понятие истины приводит к тому, что отечественное философское мышление в своей типично-национальной форме никогда не было «чистым познанием», бесстрастным теоретическим пониманием мира, а всегда было выражением религиозного поиска святости [11, с. 85].

Как отмечает Е. В. Барабанов, принудительной «внешней правде» разума, логике, научного знания и правовых норм отечественная философия противопоставила изначальную «внутреннюю правду», сохраненную в недрах православно-церковности, в патристической и византийской традиции, в глубинах народной жизни, в крестьянском общинном социализме. Попытки философски закрепить различные манифестации «внутренней правды» привели к неизбежной идеологизации философии. В отечественной традиции философия отождествлялась с мировоззрением – с системой готовых ответов на трудные вопросы жизни. Отечественная философия не анализирует данного, но строит идеал, нечто ожидаемое, силой которого пытается преобразовать данное [1, с. 112, 114].

Соединение истины и правды само по себе представляется трудноразрешимой задачей. С позиции ценностного подхода истина не является ценностью. Как отмечал М. С. Каган, истина аксиологически нейтральна и может приноситься в жертву иным ценностям, но она может быть носителем ценности, быть мечтой, идеалом [7, с. 69–74], только субъективируясь. Приобретая ценностную значимость для субъекта, она становится правдой.

Представляется интересным исследование соотношений концептов «правда» и «истина» в отечественной культурной традиции, выполненное М. В. Черниковым. Отметив изначально разное этимологическое происхождение этих понятий, автор подчеркивает коммуникативность, дискурсивность и императивность правды. Истина имеет субстанциальное начало, и как нерушимость и неизменность может рассматриваться как логический субъект или предикат суждения. Подробно рассмотрев варианты соотношений концептов «правда» и «истина», автор берет истину как логический субъект, истину, а правду как императив или его содержание. Спор Истины и Правды вопрос мировоззренческой ориентации. Но и истина, и правда (вне зависимости от того, со строчной или заглавной буквы они начинаются) носят, таким образом, внешний характер. Кроме того, в бинарную оппозицию правды-истины не вписывается категория справедливости. На наш взгляд, здесь также присутствует смешение суждений действительности и долженствования «есть и должно быть» [13, с. 164–175].

Вопрос, что есть истина, вечен. Временное соответствие образа постоянно изменяющейся объективной реальности способствует ее перманентному ускользанию, если, конечно, не нанизывать подходящие факты на ось первоначальной теоретической установки. Но если истина неуловима, то правда множественна, ибо каждый имеет свою правду в силу индивидуального бытия. И даже при исповедании единых моральных принципов и норм, при этой моральной абстракции нельзя получить единую правду. Вероятно, нравственная правда так же конкретна, как и теоретическая истина, а значит и справедливость носит многовариантный характер. Правда всегда противоречит истине, это сущностное противоречие, в справедливости происходит синтез, но эта триада подвижна и неуловима. Соединение абсолютной истины и абсолютной правды человечества может дать абсолютную справедливость, но это – абстракция, и говорить об ее осуществлении можно лишь на уровне трансцендентного. Только абсолют, бог может обладать и всеведением, и нравственным совершенством, но признание за ним абсолютной справедливости может быть подвергнуто сомнению, хотя бы в силу различного понимания замыслов и действий бога. Что же касается реальной жизни, то возможны три варианта реализации единства правды-истины в справедливости.

Можно исходить из установки о том, что представляется справедливым в данных конкретно-исторических условиях, и подгонять под нее истину, выбирая одну из правд. Либо стоять на почве истины, что трудно и неблагодарно, так как это позиция возвышения и противопоставления всему множеству правд, а значит, достижение справедливости представляется если не маловероятным, то длительным. А встав на позицию конкретной правды, хочется если не забыть об истине, то перекроить ее, и реализация справедливости представляется такой близкой и доступной, еще шаг, и вот она рядом!

Безусловно, на внутриличностном уровне это приводит к нравственному конфликту, вызванному несоответствием личных представлений о справедливости, пропагандируемой извне теоретической истины и внутренней убежденности в нравственной правоте или неправоте оценок, суждений и поступков. Понятно, что все эти пути односторонни, чреваты определенными потерями, и потому переоценки и переориентации являются необходимым условием социального бытия. Другое дело, что они бесконечны, но конкретно удобны на определенных этапах.

Наиболее яркой и злободневной идея справедливости становится не в эпохи относительного спокойствия, мира и устоявшихся традиций, а в переломные, кризисные моменты, когда встает вопрос, как жить дальше, на каких началах строить общество, как совместить истину в теории и справедливость на практике. В отечественной мысли это эпохи послереволюционные.

Представляется важным остановиться на одной из попыток пересмотра взаимодействия истины-правды-справедливости, которая отражена в сборнике «Вехи», ибо там четко была поставлена проблема о влиянии философских идей

на миросозерцание и на общественную практику интеллигенции. Как отмечали Б.В. Емельянов и А. И. Новиков, «Вехи» – призыв к становлению личности, к необходимости непрерывной внутренней работы человека [6, с. 78].

Как отмечал А. Н. Бердяев, в отечественной философии есть черты, роднящие ее с отечественной интеллигенцией: это жажда целостного миросозерцания, органического слияния истины и добра, знания и веры [3, с. 39]. Но в этой жажде доминирует для интеллигенции справедливость, понимаемая как польза и благо народа. Интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна теория, ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория, послужит ли она благу и интересам народа [3, с. 28–29]. (Вот она, позиция правды!). Бердяев отмечал, что с отечественной интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось то, что любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народ будет лучше жить, если люди будут счастливы. Философ отмечает, что принятый научный позитивизм был лишь орудием для утверждения царства социальной справедливости для окончательного истребления тех метафизических и религиозных идей, на которых, по догматическому предположению интеллигенции, покоится царство зла [3, с. 30, 34].

Отечественная интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, «правды-истины», «правды-справедливости» [3, с. 42].

С. Л. Франк также отмечал, что интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции. Символ веры отечественного интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека. Общий народнический дух выступает, отмечал он, в истории отечественной интеллигенции в двух резко различных формах – в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа и в форме религии абсолютного осуществления народного счастья [12, с. 156–165]. Такое предположение об исключительно этическом ориентировании сознания народа помешало осуществлению задачи развития общинных начал и переходу их в более высокие формы общественного быта, отмечал В. А. Кистяковский [9, с. 125]. А на одной этике нельзя построить конкретных общественных форм. Указанная констатация ошибочности позиции отечественной мысли в трактовке единства истины-правды-справедливости и понимания необходимости переосмысления отнюдь не означает, что эсхатологическая мечта о Граде Божием как грядущем царстве правды была единственно определяющей в отечественной философии. Было и неверие, и нежелание возможности осуществления правды и справедливости на земле. Так, К. Леонтьев предполагал, что в таком царстве не будет красоты, изначально связанной с несправедливостью. А мещанская справедливость есть агония и разложение действительной жизни духа [2, с. 124–125; 11, с. 87].

В «Краткой повести об Антихристе» Вл. Соловьева Антихрист, предлагая путь к вселенскому миру и благоденствию, потворствует человеческому эгоизму, общее благо подменяет благом всех, примиряет противоречия, родня правду с обманом и ложью, выдавая это под видом всеобъемлющей истины. Любой односторонний мыслитель не должен ничем жертвовать для самой истины, не возвышаться над своим «я» (своей индивидуальной правдой) (см. [10, т. 2, с. 744]). Но это был лишь небольшой диссонанс в гармоничном славословии справедливости как грядущего единства правды-истины, где правда была выбранной и довлеющей, а истина слабой и прислуживающей. Но уже в философии отечественного зарубежья эта проблема принимает иной характер. Истина и правда меняют статус, становясь онтологичными, вечными и независимыми по сути своей от человеческого произвола. Они обретают иной, космический смысл, справедливость представляется же бессмысленно уравнительной, несостоятельной и неосуществимой.

Вышедшие в одном издании работы А. Н. Бердяева и С. Л. Франка по социальной философии представляют собой блестящий пример такого рода пере-

оценки. «Внутренняя» человеческая правда сменяется «внешней», но не государственно-правовой, частичной и узкой, а правдой соборной, правдой всеединства, божественно-космической. Если в «Вехах» Бердяев лишь отмечал центральное место распределения и равенства в идеологии, принимаемой интеллигенцией [3, с. 26], то в работе «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» он просто обрушивается на идею равенства, провозглашая неравенство двигателем всякого развития.

Неравенство имеет онтологический смысл и несет в себе двойную правду – божественного творения и социального бытия человечества. В неравенстве есть особенная, непонятная большинству, справедливость, которую можно постичь не рационально, а путем творческого инстинкта. Бердяев считает бессмысленным само желание сравнять страдания людей и рационально учесть их степень и меру справедливости. Неравенство есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Красота мира – это гармония иерархии, на вершине которой стоит человек. Требование равенства, уравнительной справедливости и воздаяния каждому по количеству труда есть требование небытия, посягательство на разрушение космического иерархического строя, провозглашающего аристократизм как обязанность и служение, связанное с защитой вечных святынь и ценностей. В аристократизме, утверждает Бердяев, есть божественная несправедливость, избыточность, цветение жизни [4, с. 46–127].

Таким образом, для утверждения новых основ отказ от прежних идеалов должен быть полным и бесповоротным. Для Бердяева лозунг – требование свободы, равенства и справедливости утопичен и ложен. Они несовместимы в реальной действительности. Отвлеченные начала свободы и равенства не создают никакого совершенного общества, не гарантируют прав человека. Между свободой и равенством существует непримиримый антагонизм. Мечта о гармоничном сочетании свободы и равенства есть поэтому неосуществимая рационалистическая утопия. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство же ограничение свободы.

Это новый вариант решения проблемы соотношения истины-правды-справедливости. Они независимые от человеческих интересов, объективные, но не отвлеченно-абстрактные начала, рожденные человеческой рациональностью. «Внутренний» характер истины и правды делает их удобными для внутреннего же, ограниченного потребления, придает им конкретно-историческое значение и позволяет манипулировать и истиной, и правдой. Только выход за пределы человеческого социального опыта к божественному промыслу, воспарение над сиюминутными интересами позволит достичь справедливости. Правда и истина должны быть вне человеческого волеизъявления, ибо они имеют иной, божественный источник. Бердяев утверждает, что правду и истину должно поставить выше воли народа, подчинить ее им. В действительности же правда и истина могут быть и даже всегда бывают в меньшинстве [4, с. 136–137]. Поскольку в божественной справедливости есть истина и любовь, а в человеческой – неправда и ненависть, то в самом восстании против основ социального строя во имя справедливости содержится религиозная ложь. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить несправедливость Промысла, считает Бердяев. Революционная борьба за справедливость рождает ненависть. В социальном строительстве, в помощи бедным и страдающим, людьми должны руководить не борьба за отвлеченную справедливость, а любовь и творческий инстинкт. Отвлеченная справедливость статична, миру же свойственна постоянная динамика, борьба за свою моральную правду и свою справедливость [4, с. 167–168].

Итак, осуществление правды на земле есть утопия. Как быть? Выйти в запредельное, за границы земного бытия, искать Царства Божьего, и все остальное приложится.

Очевидно, что спор о соотношении справедливости-правды-истины носил не только теоретический характер, хотя, в попытке его разрешения сталкивались представители народнической идеологии, революционной интеллигенции разного толка, приверженцы и оппоненты марксизма. По сути это был вопрос, как связать этически ориентированное сознание с его идеалами и общественно-правовыми формами в их исторической конкретности и социальным творчеством и созиданием. Временной промежуток в 15–20 лет позволил тем же авторам продолжить спор

уже на иных позициях. Но неизменным осталось их отрицательное отношение к господствующей идеологии, обесценивающей идею справедливости.

Правда и истина всегда будут «разрывать» справедливость, поскольку чувство справедливости и знание о ней не совпадают. Психологическое восприятие несправедливости сущего вызывает множество теоретических обоснований должного и попыток общественного переустройства.

Как вывод, отечественная философская мысль отличается в решении многих проблем от западных образцов, она имеет свой стиль рефлексии, который особенно ярко проявляется в трактовке справедливости. Искания социальной справедливости в повседневной жизни отражены в творчестве многих отечественных философов, которые рассматривали ее через призму диалектики правды-истины. Соединение истины и правды само по себе представляется трудноразрешимой задачей, но все же отечественные философы проявляли огромный интерес к исследованиям соотношений концептов «правда» и «истина» в отечественной культурной традиции, при этом они выделяли коммуникативность, дискурсивность, императивность правды, а реализация справедливости при этом представлялась такой близкой и доступной, истина же определялась как логический субъект, а достижение справедливости представлялось им если не маловероятным, то длительным. Наиболее яркой и злободневной идея справедливости становится в переломные и кризисные моменты, когда представляется важным разрешение проблемы о влиянии философских идей на мирозерцание, на общественную практику и становление личности.

Библиографические ссылки

1. **Барабанов Е. В.** Русская философия и кризис идентичности / Е. В. Барабанов // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 102–116.
2. **Бердяев Н. А.** Русская идея / Н. А. Бердяев. // О России и русской философской культуре. Философия русского постелектарского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.
3. **Бердяев Н. А.** Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 24–42.
4. **Бердяев Н. А.** Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. / Н. А. Бердяев // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 7–242.
5. **Вышеславцев Б. П.** Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
6. **Емельянов Б. В.** Русская философия серебряного века : [Курс лекций] // Б. В. Емельянов, А. И. Новиков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 284 с.
7. **Каган М. С.** Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 220 с.
8. **Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
9. **Кистяковский В. А.** В защиту права (интеллигенция и правосознание) // В. А. Кистяковский // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 109–135.
10. **Соловьев Вл. С.** Сочинения : В 2 т / Вл. С. Соловьев. – М., 1988. – 735 с.
11. **Франк С. Л.** Сущность и ведущие мотивы русской философии / С. Л. Франк // Философские науки. – 1990. – № 5. – С. 81–91.
12. **Франк С. Л.** Этика нигилизма // С. Л. Франк / Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 153–184.
13. **Черников М. В.** Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции / М. В. Черников // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 164–175.

Надійшла до редколегії 14.02.2012 р.

УДК 141.32

В. В. Мельник

© Мельник В. В., 2012

Вип 22. 2012

89